

А.В. БОРОДИНА

Тверской государственной университет, аспирант первого года обучения
факультета иностранных языков и международной коммуникации
Научный руководитель: д. филол. н., профессор В.А. Миловидов

О ПОТЕНЦИАЛЕ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

The paper attempts to review interdisciplinary connections of legal translation. The author highlights key factors stipulating interdisciplinary character of legal translation including interdisciplinary approaches to contemporary translation / translator studies, specificity of legal translation as so called institutional (special) translation and integrative potential of performativity as a linguistic category with legal background. She concludes by pinpointing the advantages of research potential and the weak points of didactic capacity of legal translation in terms of the university training of future (legal) translators.

Междисциплинарный (межпредметный) характер юридического перевода (устного и письменного перевода юридических текстов), казалось бы, очевиден и не вызывает никаких сомнений, будучи обусловлен несколькими причинами. Во-первых, это связано с междисциплинарной спецификой современного переводоведения, предусматривающего взаимодействие самых разных наук в силу так называемой антропоцентрической парадигмы, которая актуализировала экстралингвистические аспекты перевода – дискурсивные, прагматические, (лингво)культурологические, социологические, психологические, философские, антропологические и т.п. [Бородина 2018с: 19–20]. Охватить все эти и многие другие аспекты в рамках одной лишь лингвистики не представляется возможным.

Американский переводовед Дуглас Робинсон назвал данный процесс «сдвигом теории перевода в сторону исследования перевода как действия» – от *translation studies* к *translator studies* [Робинсон 2014: 166], приведя такой аргумент: «переводчики – не просто специалисты по языку, участвующие в бизнесе, – они ещё и члены общества, и их социальные связи и привязанности вне рабочей сферы оказывают огромное влияние на то, с чем и как они работают, как обустраивают свою профессиональную деятельность, и, конечно, на то, как они используют и понимают язык» [Робинсон 2014: 203]. Одна из ведущих современных переводоведов Джулиан Хаус также рассматривает перевод как феномен межкультурной коммуникации и социального действия [House 2015: 3], что неизбежно предполагает выход за пределы лингвистической теории перевода, однако при этом взаимосвязь с лингвистикой сохраняется. Лингвистические основы переводоведения признаются практически всеми учёными-переводоведами, хо-

тя и с известными оговорками: «лингвистика, начиная со второй половины XX века, стала для теории перевода родовым понятием, и все её теории разным образом встраивались в описание переводческой межъязыковой деятельности, которая, по сути, в силу вовлеченности двух языков, текстов и культур является совершенно особым объектом, требующим особой, специфической для своего объекта теории, не скованной исключительно лингвистическими (или любыми другими) рамками» [Галеева 2011: 52]. Тем самым, современное переводоведение уже не мыслится без межпредметных связей лингвистики и целого спектра иных наук, позволяющих с максимально возможной полнотой изучать разнообразные аспекты такого многогранного явления, как перевод.

Во-вторых, юридический перевод принято считать «одним из видов специального перевода, обслуживающим правовую сферу коммуникации. Чаще всего это перевод документов и материалов, необходимых для обмена информацией на юридическую тематику и осуществления коммуникации между людьми, владеющими разными языками» [Киндеркнехт 2013: 242]. В. В. Алимов также относит юридический перевод к разновидности специального перевода, имеющей своим объектом передачу средствами другого языка / языков разнообразных письменных и устных юридических текстов [Алимов 2015: 13]. В свою очередь, специальный перевод изначально основывается на тесной взаимосвязи между языком (ИЯ и ПЯ) и соответствующей профессиональной сферой (в данном случае – правоведе-нием / юриспруденцией как «зонтичной» наукой, включающей множество других предметно-терминологических областей).

Наряду с этим, в современном юридическом переводоведении прослеживается тенденция особым образом позиционировать юридический перевод в системе специального перевода в силу лингвокультурологических и дискурсивно обусловленных причин: «перевод юридических текстов существенно отличается от других видов специального перевода – перевода технических, естественнонаучных или медицинских текстов» [Махортова 2017: 141], ибо в случае юридического перевода происходит «перевод с языка одной понятийной системы на язык другой понятийной системы, с сохранением понятийной системы ИЯ», т.е., к примеру, «австрийский юридический документ должен остаться юридическим документом и в переводе на русский язык» [Махортова 2017: 142]. Все различия носят дискурсивный характер, ибо имманентно связаны со спецификой правовых систем, структурирующих юридический дискурс в странах ИЯ и ПЯ [Бородина 2018а: 194–197]. Вследствие этого лингвокультурологическая компетенция юридических переводчиков приобретает свои ярко выраженные особенности (подробнее см.: [Бородина 2017: 13–14]), а междисциплинарные связи юридического перевода инкорпорируют сравнительное правоведе-ние.

Можно предположить, что тенденция особого позиционирования юридического перевода по отношению к другим разновидностям специального перевода впервые зародилась в начале 1970-х гг. в связи с общим вопросом о разграничении разных видов специального перевода: так, например, К. Райс в своей работе «Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik» 1971г. (русский перевод опубликован в 1978 г. под названием «Классификация текстов и методы перевода») подчеркнула, что перевод прагматических (специальных) текстов имеет много общего, но «все же безразлично, осуществляется ли перевод и оценка перевода спецификации товаров, юридического документа или философского исследования» [Райс 1978: 203]. В то же время, несмотря на всю важность данной переводоведческой проблематики, юридический перевод в целом не получил чётко оформленного статуса в переводоведении вплоть до начала 2000-х гг.: ссылаясь на исследование У. Даума 2003г., Т.Ю. Махортова отмечает, что «ещё совсем недавно перевод юридических текстов зачастую ставили в один ряд с переводом других специальных текстов» [Махортова 2017: 143]. В связи с этим следует отметить, что российские лингвисты и переводоведы стали уделять внимание юридическому переводу как особому виду специального перевода несколько раньше – с начала 1990-х гг., по мере развития юридической лингвистики (юрислингвистики), изучающей все многообразие взаимосвязей и взаимодействия языка и права с учётом лингвокультурологических факторов и включившей юридический перевод в круг своих научных исканий: «в сфере сравнительного правоведения юридическая лингвистика используется как средство преодоления проблем перевода юридических текстов, как средство познания правовых систем других стран, что насущно необходимо в связи с расширением и углублением торговых, экономических связей, обслуживаемых правом» [Костромичёва 2007: 59].

Думается, что развитие юридической лингвистики предопределило третью возможную причину междисциплинарности юридического перевода: изучение особенностей юридических текстов в рамках предпереводческого анализа позволяет обнаружить эпистемологические межпредметные связи таких категорий, которые в отечественном языкознании принято было считать чисто лингвистическими. Так, перформативность как свойство юридических текстов традиционно входила в арсенал теории речевых актов, тогда как исторически её генезис напрямую связан с правом [Миловидов, Бородина 2017], а свойства перформативности присущи некоторым правовым категориям – например, таким, как исполнительная сила и аутентичность (нотариальных и судебных текстов) [Бородина 2018b: 77]. Благодаря этому становится возможным описание особенностей юридических текстов ИЯ и ПЯ с учётом всей правовой специфики в эпистемологическом поле языкознания.

Уместно предположить, что междисциплинарный характер юридического перевода при должном его изучении может способствовать развитию

интегративного научно-исследовательского потенциала ряда наук, включая (юридическую) лингвистику, переводоведение в целом и теорию специального (юридического) перевода; частичный обзор исследований в данной области приводится в: [Махортова 2017: 131–152]. Вместе с тем, при всей его очевидности, дидактический потенциал межпредметных связей в юридическом переводе всё ещё остаётся недооценённым: в качестве потенциальных юридических переводчиков специалисты в области юридического перевода по-прежнему склонны рассматривать юристов, владеющих иностранным языком и рабочим минимумом знаний о переводе [Алимов 2015: 5; Левитан 2011: 23]. В то же время в рамках компетентного подхода обучение иностранным языкам на неязыковых факультетах преимущественно ограничивается лишь одной – двумя компетенциями, среди которых превалирует ОК-4 (способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранных языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия). Между тем спектр профессиональных и общекультурных компетенций для студентов-переводчиков гораздо шире: по оценкам специалистов, он включает «владение методикой предпереводческого анализа, владение основными способами достижения эквивалентности в переводе и способность применять основным приёмы перевода; способность осуществлять письменный и устный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм и др.), способность ориентироваться в системе общечеловеческих ценностей и учитывать ценностно-смысловые ориентации различных национальных, социальных, религиозных, профессиональных общностей и групп; способность руководствоваться принципами культурного релятивизма и этическими нормами, предполагающими отказ от этноцентризма и уважение своеобразия иноязычной культуры и ценностных ориентаций иноязычного социума» [Крюкова 2017: 211]. Более того, профессиональные психологические особенности, сфера полномочий и мера ответственности юристов в ряде случаев могут не совпадать с целями и задачами переводчиков, а юридический переводчик по своему статусу – это, в первую очередь, переводчик, а не юрист, что, безусловно, следует учитывать при подготовке переводчиков.

Тем не менее, учебные программы для студентов факультетов иностранных языков в российских вузах на сегодняшний день в целом не предусматривают возможности профессионально специализироваться в юридическом переводе – например, путём разработки совместных межпредметных дисциплин и курсов с юридическими факультетами либо работодателями соответствующего профиля (нотариальными палатами, судебными и правоохранительными органами, юридическими конторами и т.п.). Как правило, соответствующий опыт и знания приобретаются переводчиками уже на практике и / или посредством прохождения специально-

го краткосрочного обучения, редко кто получает два образования – лингвистическое / переводческое и юридическое (среди последних – известный российский учёный-лингвист В.А. Пищальникова). В связи с интенсивным развитием устного и письменного юридического перевода потребность в юридических переводчиках вряд ли иссякнет, однако статус юридических переводчиков (включая судебный и нотариальный перевод) в Российской Федерации до сих пор не до конца прояснён (хотя функции судебных переводчиков законодательно прописаны в статьях Гражданского процессуального кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ). Возможно, это одна из причин, по которым дидактический потенциал юридического перевода для будущих переводчиков в настоящее время реализуется лишь в незначительной степени [Бородина 2017], а обучение юридическому переводу остаётся открытым вопросом, ждущим своих ответов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов В.В. Юридический перевод: Практический курс. Английский язык: учеб. пособие. М.: ЛЕНАНД, 2015. 160 с.
2. Бородина А.В. (а) Лингво-дискурсивные аспекты юридического текста как объект предпереводческого анализа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 192-198.
3. Бородина А.В. Лингвострановедческий потенциал кинофильмов для обучения юридическому переводу (на примере фильма «Лжец, Лжец») // Иностранные языки и глобализация образования: потенциал кино и видео. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (с. Медное Калининского района Тверской области, 25 марта 2017 г.). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. С. 11-20.
4. Бородина А.В. (б) О взаимоотношении юридического дискурса и юридического текста (на материале нотариальных текстов) // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. Вып. 18. С. 73–79
5. Бородина А.В. (с) О формах переводческой (само) рефлексии // Материалы всероссийской (с международным участием) герменевтической конференции «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/6462/Borodina_2018.pdf.
6. Галеева Н.Л. Перевод в лингвокультурологической парадигме исследования: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 172 с.
7. Киндеркнехт А.С. К вопросу о трудностях перевода юридической терминологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2(52). С. 242-246.
8. Костромичёва М.В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. №3(4). Т.2 С. 57-61.
9. Крюкова Н.Ф. Осмысление как сущностная характеристика интерпретативной деятельности переводчика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 209-213.

10. Левитан К.М. Юридический перевод: основы теории и практики: учеб. пособие. М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. 352с.
11. Махортова Т.Ю. Переводчик в юридическом дискурсивном пространстве // Переводчик XXI века – агент дискурса: колл. монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С.131-152.
12. Миловидов В.А., Бородина А.В. Категория перформативности в контексте проблематики юридического дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 28-36.
13. Райс К. Классификация текстов и методы перевода / пер. с нем. А. Батрака // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сборник статей: пер. с англ., нем., франц. Вступительная статья и общая редакция перевода В.Н. Комиссарова. М.: Междунар. отношения, 1978. С.202-228.
14. Робинсон Д. Как стать переводчиком. Введение в теорию и практику перевода / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2014. 276 с.
15. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. Routledge, 2015. 171 p.